

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ

У. Шиманк

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ: ТЕЗИСЫ ОБ ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*

С момента своего возникновения в XIX в., когда характерные структуры современности во всех сферах общества стали необозримы, социология всегда занималась диагностикой времени. Насущный тогда вопрос о дальнейшем пути современного общества и сегодня, в начале XXI в., занимает нас не меньше. Как и раньше в центре внимания находятся угрозы. Экологические катастрофы, войны, ведущиеся с применением все более разрушительного оружия, распространяющаяся социальная беспочвенность и все более глубокий эгоизм — вот некоторые ключевые слова, характеризующие заботу о будущем сегодняшнего общества. Наряду с этим в социологических диагнозах времени выражаются также надежды на будущее, хотя явно реже, чем угрозы. Так, наряду с риском индивидуализации говорят о возможностях, которые этот процесс дает отдельным членам общества, а также ожидают положительных результатов от сопровождаемой столькими страхами «глобализации».

* Статья У. Шиманка на немецком языке поступила в редакцию в январе 2000 г. до ее опубликования в: Berliner Journal für Soziologie. Jahrgang 10. Heft 4. 2000. S. 449–469. Права на публикацию данной статьи согласованы с редакцией вышеназванного журнала.

Шиманк Уве (Uwe Schimank) (1955 г. р.) — профессор социологии Заочного университета г. Хаген (Германия).

Адрес: FernUniversität Hagen.

Tel.: (02331) 987-2524; (02331) 987-2537.

E-mail: uwe.schimank@fernuni-hagen.de

Социологические диагнозы времени — это *способы прочтения сегодняшнего и завтрашнего дня*. Таким образом, несмотря на все теоретические и эмпирические пробелы,* вносится важный вклад в «социологическое самопросвещение» современного общества. Дело в том, что диагнозы времени ставят совершенно разные типы наблюдателей общественных состояний. Литераторы, философы, политики, священники, журналисты и представители общественных наук — среди них также социологи — пробуют себя в этом. Однако социология не обладает монополией объяснения: ее голос в большинстве случаев даже не самый громкий в хоре тех, кто пытается измерить пульс времени.

Более того, у социологов в вопросах диагноза времени нет никакого единодушия. Напротив, в этой тематике всегда проявляется, частью негативно, частью позитивно, тенденция мультиперспективности специальности. Это стало поводом для написания данной статьи. Неважно, считают ли основанием мультиперспективности диагнозов времени несовместимость делаемых в них высказываний или игнорирование ими друг друга. Обе оценки предполагают *сравнительный вторичный анализ* диагнозов времени, так как при несовместимости высказываний должно быть выяснено, какое из них правильное, а какое — нет, или они должны быть специфицированы по различным сферам их применения. Там же где высказывания не связаны между собой, следовало бы проверить, есть ли все-таки между ними взаимосвязь, для того, чтобы приблизиться к законченной и полной картине общества. Уже один вторичный анализ в рамках теоретической рефлексии, даже не включающий эмпирическую проверку мог бы привести к прогрессу в познании.

В дальнейшем этот анализ должен войти в ряд социологических диагнозов современности, которые были опубликованы за последние двадцать лет в Германии, Франции, Великобритании и Соединенных Штатах (см. табл. 1).** Первый шаг состоит в решении общего ключевого вопроса, на основе которого диагнозы современности сравниваются друг с другом. Это вопрос об интеграции современного общества. Следующий за ним шаг — сопоставление и сравнение тезисов, которые можно встретить в различных диагнозах современности, относительно разработанных на первом этапе измерений общественной интеграции. Ограниченные рамки этой статьи не позволяют представить в деталях теоретическую конфронтацию или совмещение представленных тезисов. Здесь речь идет лишь о том, чтобы в одних пунктах показать теоретические соответствия, в других — теоретические противоречия, а в целом — многослойность общей картины диагнозов.

*Эти данные обобщают также В. Ризе-Шэфер [1] и Г.-П. Мюллер [2].

** Эта статья написана в рамках соответствующего сравнительного проекта, первый шаг которого состоял в обработке центральных схем аргументации каждого рассматриваемого диагноза настоящего времени в отдельности (ср. [3]). Однако все перечисленные диагнозы настоящего времени могут быть рассмотрены далее.

Социологические диагнозы современности

ГЕРМАНИЯ	
Ульрих Бек (Ulrich Beck)	Общество риска (1986)
Рихард Мюнх (Richard Münch)	Диалектика общества коммуникации (1991); Динамика общества коммуникации (1995)
Герхард Шульце (Gerhard Schulze)	Общество переживания (1992)
Юрген Хабермас (Jürgen Habermas)	Фактичность и действенность (1992)
Петер Гросс (Peter Gross)	Общество множественного выбора (1994)
Никлас Луман (Niklas Luhmann)	Общество общества (1997)
Вильгельм Хайтмейер (Ред.) (Wilhelm Heitmeyer, Hrsg.)	Что разъединяет общество? (1997); Что скрепляет общество? (1997)
ФРАНЦИЯ	
Бруно Латур (Bruno Latour)	Мы никогда не были современными (1991)
Ален Турен (Alain Touraine)	Критика современности (1992)
Пьер Бурдьё и др. (Pierre Bourdieu et al.)	Нищета мира (1993)
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	
Энтони Гидденс (Anthony Giddens)	Последствия современности (1990)
Зигмунд Бауман (Zygmunt Bauman)	Современность и амбивалентность (1991)
Ральф Дарендорф (Ralf Dahrendorf)	Современный социальный конфликт (1992)
США	
Джеймс Коулмен (James Coleman)	Асимметричное общество (1982)
Джордж Ритцер (George Ritzer)	Макдональдизация общества (1993)
Амитай Этциони (Amitai Etzioni)	Дух общности (1993); Новое золотое правило (1996)
Самюэль Хантингтон (Samuel Huntington)	Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка (1996)
Ричард Сеннетт (Richard Sennett)	Разрушение характера (1998)

I

Трудно переоценить значение *интеграции общества* в качестве ключевого вопроса социологической теории. Бесспорно, это центральный вопрос теории общества. Поэтому неудивительно, что в конечном итоге все рассматриваемые здесь социологические диагнозы современности занимают интеграцией современного общества. Наиболее отчетливо этот вопрос сформулирован в названиях работ под редакцией В. Хайтмейера «Что разъединяет общество?» и «Что скрепляет общество?» [4; 5]. Выпукло обозначенная этими вопросами проблема — не единственная из тех, которыми занимаются социологические диагнозы современности. Все во всем — это, несомненно, наиболее важная тема. В некоторых диагнозах она помещается в самый центр внимания.

Вместе с тем, хотя социологическая теория общества в целом была очень озабочена проблемой интеграции, например, в социологических диагнозах последних двадцати лет, сегодня, как и прежде, социологии не хватает ясной концепции интеграции общества.

При первом рассмотрении интеграцию общества можно определить как способность общества к *длительному* (хотя, часто говорят: «устойчивому») *самовоспроизводству*.^{*} Но что именно это значит?

Сразу становится очевидно, что позитивное описание интеграции общества аналитически не имеет перспектив. Поскольку, как правило, рассматривается ненарушенная интеграция, то она чаще всего почти не наблюдается. В качестве таковой она не замечается ни членами общества, ни социологами — наблюдателями общества, но принимается и полагается как само собой разумеющийся, в определенной мере естественный порядок вещей. И даже если достаточно дистанцированный рефлектирующий наблюдатель рассматривает данное состояние ненарушенной интеграции вопреки фактам как невероятное и потому требующее объяснений, это отнюдь не означает, что он может верно представить и объяснить беспрепятственное выполнение требований общественного воспроизводства, т.е. лежащую в основании структурную динамику. Безотказная интеграция — это в определенной мере «черный ящик», и только в случае нарушения свет может проникнуть в темноту. Это означает, что интеграция общества становится объяснимой и доступной для понимания только *ex negative*.

Итак, интеграция становится заметной лишь там, где она исчезает, т.е. когда внезапно или в результате сначала незаметного процесса наступает либо *дезинтеграция*, либо *сверхинтеграция*. Следовательно, есть два угрожающих интеграции общества направления: слишком мало или слишком много интеграции. Обычно принято думать только о первом направлении распада общественного целого, который в определенном смысле исходит «снизу», из его частей. Но возможна и *сверхинтеграция*: действующее «сверху», также подавляющее жизнь общества принуждение частей со стороны целого.^{**}

С одной стороны, интерграция познается тогда, когда она исчезает. С другой стороны, исчезновение дез- или *сверхинтеграции*, т.е. усиливающаяся интеграция, также может осознаться как таковая. Ясно одно: распознать, на чем основывается интеграция можно только при сравнении с возникающим или ослабевающим отклонением при соответствующем усилении. Тогда, вероятно, возможно целенаправленное воздействие на попадающие таким образом в поле зрения каузальные факторы и взаимозависимости с целью поддержания или восстановления интеграции в будущем. Но как только дез- или *сверхинтеграция* предотвращена или устранена, соответствующие взаимозависимости снова уходят на задний

* В классической структурно-функционалистской теории общества использовался в связи с этим тезис о сохранении его состава. Впоследствии это положение многократно критиковалось как излишне запутанное и идеологическое. В особенности остается неясным, что является социальным дополнением к биологической смерти организма в обществах как «самозамещающих порядках» [6]. Однако эти справедливые возражения теряют свое значение, если понятие интеграции, как будет объяснено далее, измеряют, градуируют и негативно определяют. Самовоспроизводство не означает обязательную стабильность всех структур общества, но включает в себя организованное, оформленное изменение.

**Понятия «часть», «целое», несмотря на их известные недостатки, употребляются в данной статье с целью избежать уводящих от темы сложных объяснений о взаимосвязи общественного воспроизводства.

план, вновь принимаются как сами собой разумеющиеся до возникновения угрозы или наступления следующего нарушения.

Если понимать интеграцию общества в этом смысле *негативно* — как отсутствие дез- или сверхинтеграции, можно далее уяснить себе градуальный характер интеграции. Она представляет собой баланс между дез- и сверхинтеграцией, среднее состояние порядка, которое может нарушаться увеличением либо уменьшением порядка. Следовательно, общественная интеграция служит временным масштабам. Высказывания об этом обретают смысл, если состояние общества в момент времени t_1 более либо менее интегрированное, чем в момент времени t_0 . Итак, мы не располагаем абсолютным, внеисторическим масштабам уровня интеграции общества. Между тем социологические диагнозы настоящего времени вовсе не нуждаются в таком масштабе. Они не стремятся ни к чему другому кроме сравнения сегодня и вчера или с представимым завтра, чтобы зафиксировать кризисные тенденции или открывающиеся исторические возможности общественной динамики. Речь идет вовсе не о поиске оптимально интегрированного и в этом отношении совершенного общества; вопрос заключается в том, хуже или лучше сегодня Интеграция общества, чем вчера, и какие в этом отношении существуют перспективы на будущее.

Столь же важным как негативное и градуальное понимание интеграции для приемлемого масштаба является аналитическая декомпозиция того, что включает в себя интеграция. С этой точки зрения можно представить развитие социологической теории общества в качестве параллельного развития социологических диагнозов времени. Оба плана развития — и это уже заранее оговоренный важный результат сравнительного анализа рассматриваемых здесь диагнозов современности — привели к *трехмерному разворачиванию (Auffächerung)* понимания общественной интеграции.

До недавнего времени введенное в 1964 г. Д. Локвудом [7] различие социальной и системной интеграции охватывало все существенные аспекты того, что понималось под интеграцией общества.* Эти два измерения интеграции означают совершенно разные исходные точки общественной интеграции. Иными словами, выявляются два разных источника нарушения общественной интеграции. С позиции *социальной интеграции* речь идет об интеграции отдельных членов в общество. Это классическая тема соотношения индивида и общества. С одной стороны необузданные индивиды не могут погубить общественный порядок, с другой, слишком ограничительный общественный порядок также не должен общественно дисфункциональным образом подавлять креативность личностей. Позиция *системной интеграции*, напротив, ориентирована на интеграцию друг с другом различных дифференцированных подсистем, которые образуют современное общество. Подсистемы (например, отношения между эко-

* Правда, дальнейшее применение теории и дискуссия о двух концептах, по сравнению с первоначальным предложением Локвуда, привели не только к разъяснениям, но и к новым неясностям и противоречиям [8].

номикой и политикой) по всей вероятности, не создадут друг другу неразрешимых проблем. Таким образом, в центре внимания находится сеть межсистемных взаимозависимостей с ее воздействием на специфическое для подсистемы эффективное функционирование. В доказательство лишь двух возможных нарушений системной интеграции общества скажем, что ни одна подсистема не может быть оставлена другими подсистемами без необходимых ресурсов, ни эти подсистемы не могут лишиться ее — посредством принудительных мер или прямого давления — автономии.

Разделение социальной и системной интеграции позволило упорядочить и систематизировать аспекты общественной интеграции, которые изучались вплоть до 1970-х годов. Правда, с того времени в общественных дебатах и социологических диагнозах времени приобрела значимость до этого совсем незаметная или, во всяком случае, побочная тема: *экологическая интеграция* современного общества [1, S. 381]. Первый доклад Римского Клуба о «Границах роста» стал важнейшим импульсом в этом отношении. В 1980—90-х гг. экологическая интеграция в исследованиях общества приобрела такое же значение, как социальная и системная интеграция; а со временем экологические опасения и страхи даже превзошли все остальное. Особенно символичным событием стала авария на ядерном реакторе в Чернобыле.

Экологическая интеграция означает следующее: репродуктивная способность современного общества в решающей мере зависит от того, насколько оно движется в установленных природой границах (например, потребления энергии) по безопасному длительному пути. Эти границы не жесткие, они могут быть раздвинуты, прежде всего, благодаря научно-техническим инновациям — правда, насколько далеко, никто не знает.

Этих немногих предварительных замечаний о трех измерениях общественной интеграции достаточно, чтобы составить таблицу, в которую можно поместить различные диагнозы современности.

Таблица 2

Три измерения общественной интеграции

		Социальная интеграция	Системная интеграция	Экологическая интеграция
Проблемы интеграции	Дезинтеграция			
	Сверхинтеграция			

Приведенные здесь измерения не связаны друг с другом. Но очевидно, что между ними происходят интенсивные взаимодействия. На это следует обратить внимание при подробном рассмотрении социологических диагнозов современности об интеграции общества. Далее будет видно, что различные диагнозы совершенно по-разному относятся к трем измерениям интеграции и их связям. Одни — как, к примеру, размышления Дж. Коулмена [9] об «асимметричном обществе» — рассматривают только одно из трех измерений, и при этом только в отношении довольно специфического аспекта, другие же, в частности, разработанный П. Гроссом [10] портрет «общества множественного выбора», в котором по меньшей мере имплицитно тематизирована комбинация всех трех измерений интеграции.

II

Различие трех измерений интеграции в дальнейшем служит первичной схемой для распределения ключевых высказываний рассматриваемых диагнозов современности. Прежде всего рассматривается системная, затем экологическая и, наконец, социальная интеграция.

Системная интеграция

С точки зрения системной интеграции, положение общества уже давно изображается в социологических диагнозах времени так, что ему не угрожают никакие действительно критические проблемы. На фоне социологических диагнозов XIX столетия такое успокоение никоим образом не понимается как само собой разумеющееся. Тогда, как известно, ускоренная дифференциация автономизирующихся подсистем экономики, науки, искусства, СМИ и других «ценностных сфер» — употребляя терминологию М. Вебера — рассматривалась крайне подозрительно. Так, К. Маркс понимал обособление капиталистической экономики как процесс, который повлечет за собой катастрофическое разрушение системной интеграции общества. Именно чрезвычайно успешное для подсистемы «накопление капитала» в форме «воспроизводства на расширенной основе» [11, S. 605–617], т.е. — в терминологии Н. Лумана [12] — аутопоэзис платежей станет судьбой общества как единого целого. К. Поланьи [13] снова обратился к этим представлениям в 1940-х годах. Экономическая система, которая больше всех освободилась от других общественных отношений, представляет собой перманентный очаг кризисов общественного порядка. Разлад в семье и политическая нестабильность анализировались как отягчающие негативные воздействия капиталистической экономики на другие подсистемы общества. Кроме того, снова и снова говорили о ее негативном влиянии на системы образования, здравоохранения, науки и религии.

М. Вебер [14, S. 27–28] ограничил диагноз К. Маркса относительно углубляющегося кризиса системной интеграции современным обществом и одновременно усилил драматичность этого диагноза своим тезисом о «политеизме» «ценностной сферы». Для Вебера не только капиталисти-

ческая экономика в результате дифференциации становится автономной и, следовательно, объявляется безответственной во всех остальных общественных вопросах; во всех других подсистемах общества можно наблюдать такой же процесс. Так, например, наука «в своей башне из слоновой кости» не озабочена больше общественной полезностью или рискованностью своих познаний. Так же беспечно система СМИ, сосредоточенная только на сенсационности («newsworthness»), путем экстенсивного распространения сообщений о скандалах возбуждает «недовольство политикой», которое может угрожать стабильности демократической политической системы. Таким образом, релятивизация М. Вебером марксовой оценки капитализма как угрозы общественной интеграции не является оптимистичным взглядом на положение вещей. Напротив, М. Вебер диагностирует множественную и, соответственно, с трудом преодолимую подверженность современного общества кризисам системной интеграции. Функциональная дифференциация порождает многообразные центробежные тенденции и раздробленность современного общества.

Составленные таким образом диагнозы кризиса сегодня кажутся не столь убедительными. Нельзя сказать, что тогдашние ссылки на изломы в обществе и очаги катастроф были полностью ложными или, по крайней мере, сильно преувеличенными. Но совершенно очевидно, что — с сегодняшней точки зрения — современное общество научилось справляться со своими системно-интегративными проблемами. Этому научению, возможно, способствовали также социологические диагнозы времени, предупреждающие голоса которых действовали как опровергающие сами себя пророчества. Как известно, социальное государство, которое возвратило капиталистической экономике «общественные качества», не в последнюю очередь было инспирировано тем, что представители политических интересов как рабочего класса, так и «капиталистов» извлекли уроки из учения Маркса.

Социальное государство — это, вероятно, лишь наиболее значимый пример того, как фокус системной интеграции общественных событий может быть преобразован путем соответствующих институциональных механизмов так, что прежние кризисы превращаются в легкие проблемы. И другие виды государственной поддержки системной общественной интеграции постоянно институционализировались в течение XIX столетия путем политического управления обществом. Так, например, политика в сфере образования занимается согласованием между системами образования и экономики, или научная политика, помимо прочего, заботится о том, чтобы научные исследования ориентировались также на требования системы здравоохранения. Можно без преувеличения сказать, что создание «государства управления» (*Steuerungsstaat*) [15] было реакцией общества на разнообразные системно-интегративные проблемы. Однако ни в коем случае нельзя рассматривать это как непосредственное воздействие соответствующих управленческих мер в соответствии с объективно данными проблемами. Лишь в том случае, если эти проблемы находят способных к их осуществлению политических носителей, например, группы носителей интересов, и выделяются отдельные аспекты про-

блем, над которыми все интенсивнее работают профессиональные эксперты, системно-интегративные проблемы могут стать объектом политической разработки.

Однако лишь малая часть системно-интегративных проблем современного общества разрешается политическим путем. Большая часть системно-интегративных проблем регулируется на раннем этапе, до их политизации, посредством *прямых согласований между подсистемами общества*. Это положение разрабатывали в рамках теории общественной дифференциации как Т. Парсонс в концепции «двойных обменов» («double interchanges»), так и Н. Луман в анализе «структурных связей» между подсистемами.* Если, например, профессора в высших школах получают деньги на исследования от предприятий, то это вклад — не являющийся целью ни одного из акторов — в интеграцию систем науки и экономики, так как поощряются исследовательские темы, которые обещают повышение инновационного потенциала и тем самым процветание экономики. Бесчисленные децентрализованные согласования такого рода происходят в первую очередь между организациями различных общественных подсистем, так что межорганизационные отношения и сети, которые преодолевают границы подсистем, можно рассматривать как важный гарант системной интеграции общества. Лишь там, где подобные прямые и децентрализованные согласования между подсистемами оказываются несостоятельными, привлекается подсистема политического управления обществом. Тогда оно может, с одной стороны, включиться в данную системно-интегративную проблематику посредством собственных конструктивных мер, другой стороны, государственные акторы зачастую ограничиваются «процедурным управлением» [17], при котором поддерживаются переговоры между представителями соответствующих подсистем, т.е. снова усиливается способность к прямым согласованиям между подсистемами.

Все то, что собрано в эмпирических и теоретических данных политологических исследований о политическом управлении обществом и при изучении межсистемных отношений на основе социологической теории дифференциации, еще не говорит что отныне системная интеграция современного общества обеспечена раз и навсегда и что кризисное обострение, таким образом, на долгое время исключено. Правда, до сих пор нет признаков того, о чем как раз в них и говорится, а именно, что системно-интегративные проблемы в социологических диагнозах современности последних двадцати лет не занимают видного места.

Следует упомянуть о двух исключениях, которые снова, хотя и в измененной форме, продолжают марксову критику капитализма, т.е. вновь тематизируют серьезные проблемы, которые экономическая система создает другим подсистемам. П. Бурдьё [18] видит «вторжение» («*Intrusion*») экономических сил и позиций в различные «культурные» подсистемы. Согласно этому, искусство, образование, наука и СМИ все больше подчиняются коммерческим соображениям нацеленности на прибыль, а так-

*Об этом подробнее см. [16].

же точке зрения экономической полезности их достижений. В равной мере исчезает автономия подсистем. Согласно П. Бурдые, эти тенденции свидетельствуют о том, что политическое управление обществом недостаточно защищает другие подсистемы от освобожденной «глобализацией» капиталистической экономики. Подобным же образом Р. Сеннетт объясняет негативные воздействия экономики, ставшей «эластичной» благодаря «глобализации» и «неолиберальной» экономической политике в единстве с новыми информационными и коммуникативными технологиями, на систему семьи [19]. Растущие показатели разводов, отказ от прочных партнерских отношений и бездетность, а также все виды расшатанных семейных отношений обусловлены, таким образом, в некоторой мере тем, что «гибкий капитализм» требует соответственно «гибких людей», длительные человеческие связи которых в виде семьи все более затруднительны. Между тем ни Бурдые, ни Сеннетт в целом не хотят признавать в этих негативных внешних воздействиях экономической системы на соответствующие другие подсистемы угрозу системной интеграции современного общества. Это не в последнюю очередь проявляется в том, что оба автора критикуют выявленные ими факты с точки зрения морали, оценивают их не с функциональной точки зрения, а как опасное повреждение репродуктивной способности современного общества.

Все сказанное о системной интеграции предполагает, что в этом измерении дезинтеграция является основным видом проблемы. В противоположность этому Н. Луман обращает внимание на вопрос о том, не развивается ли современное общество скорее в направлении проблематичной *сверхинтеграции* [20, S. 617–618]. Это могло бы даже быть — если продолжить мысль Лумана — долгосрочным следствием растущего овладения проблемами дезинтеграции между общественными подсистемами. То, что подсистемы современного общества обособляются, невзирая друг на друга, и при этом снова и снова встают друг у друга на пути, есть порок автономии, конституирующей работоспособность подсистем. Противодействие этому с учетом системной интеграции общества может, в свою очередь, в скором времени перерасти в угрозу автономии. Наиболее яркий пример сверхинтеграции подсистем в современное общество представляют собой социалистические общества Восточной Европы. Это были, по терминологии М. Крозье, «заблокированные общества», в том смысле, что гипертрофированная претензия всеобъемлющего политического управления настолько тесно скрепляла друг с другом все подсистемы общества и брала их под политическую опеку, что нанесла непоправимый ущерб эффективности и инновационному потенциалу работоспособности подсистем [21]. Менее драматичные случаи сверхинтеграции можно найти и в несоциалистических обществах. Продолжим рассмотрение уже приведенного примера: если исследования профессоров, по крайней мере, в определенных отраслях науки попадают в слишком сильную зависимость от денег из индустрии, это могло бы в среднесрочной перспективе привести к серьезной проблеме как для науки, так и для экономики. Наука распыляла бы свои силы на краткосрочные прикладные заказы и пренебрегала фундаментальными исследованиями, и это

впоследствии нанесло бы ущерб также технологической инновационной способности экономики. Этот пример показывает также, что до того момента, как подобная слишком тесная взаимосвязь между подсистемами фактически обострилась до кризисного состояния, должно что-то произойти. Более вероятно, что прежде появится реакция тревоги и противодействие со стороны участников, их групп интересов или дальновидных политических акторов.

Подводя итоги, следует отметить, что системная интеграция общества по большей части не рассматривается социологическими диагнозами современности. Здесь не выявляются возможные или даже считающиеся вероятными кризисные тенденции сегодняшнего общества. Еще раз подчеркнем, что в этом состоит существенное отличие от диагнозов времени, которые были сделаны в XIX в. и в первые десятилетия XX в. Соглашение между подсистемами общества в целом функционирует так, что не возникает обширных и длительных коллизий. По прогнозам, решающие для перспективности современного общества проблемы интеграции сегодня и в еще большей степени завтра должны локализоваться в двух других измерениях интеграции.

Экологическая интеграция

Рассмотрим сначала экологическую интеграцию современного общества. В начале 1970-х гг. Ю. Хабермас [22, S. 61–63], хотя и упомянул об экологическом потенциале кризисов «позднекапиталистических» обществ, но не посчитал эту проблему важной. Не отрицая полностью экологические проблемы, Хабермас тогда еще совершенно сознательно исходил из того, что они во всяком случае не станут судьбоносными вопросами современного общества. Таким образом, проблема экологической интеграции современного общества тогда была такой же латентной, какой сегодня является проблема его системной интеграции.

Способ, каким современное общество с той поры обратило внимание на свою экологическую интеграцию, является показательным примером комбинации объективно данного проблемного положения, профессиональных истолкований проблемы и общественных акторов, интересы которых были затронуты. О чем бы ни шла речь — об обеспечении энергией или производстве продуктов питания, об отравлении окружающей среды или изменениях климата, о ликвидации мусора или о видовом разнообразии — всегда, и это особо подчеркивает У. Бек [23], необходимо экспертное знание, которое вообще делает видимыми те или иные проблемы. Только в той мере, в какой это экспертное знание опосредованно, в первую очередь через СМИ, входит в общую общественную коммуникацию и специфические для подсистем коммуникационные взаимосвязи, экологическая интеграция, как категорично подчеркивает Луман [24, S. 63], является общественной проблемой. Общество могло бы себя экологически окончательно погубить. Пока оно сознательно делает это некоммуникативно, оно погибает, не замечая, от чего.

Наиболее глубоко проблему экологической интеграции, вскрывая корни самопонимания современности, проанализировал Б. Латур [25]. Он

полагает, что современное общество подвержено фундаментальному самообману, который сначала обеспечивал долгую историю успеха научно-технических инноваций, но с недавнего времени все сильнее демонстрирует свою теневую сторону в форме экологических проблем. Самообман заключается в том, что современное толкование мира основывается на строгом *онтологическом разделении природы*, с одной стороны, и *социального мира*, с другой, так что естественно-научные познания и технические артефакты как «гибриды» населяют все время увеличивающийся промежуточный мир. Но именно этот промежуточный мир не признается как таковой, а искусственно делится на социальную и природную составляющие. Именно поэтому современное общество обладает возможностью держать под контролем создание и распространение «гибридов». Современность, по Б. Латуру, практикует самобытное обобществление природы. Этот процесс получил чрезвычайное распространение, например потому, что традиционные нормативные ограничения того, что технически можно «делать», могли быть преодолены путем коллективного самообмана. Однако необузданное увеличение числа «гибридов» ведет к постепенному сдвигу баланса «затрат и пользы». Ибо чем дальше простираются «сети» инноваций, тем больше запутываются различные «сети» друг в друге, что приводит к непредвиденным побочным и отдаленным во времени следствиям, которые могут оказаться нежеланными и нередко исключительно опасными.

Если Б. Латур сводит нарушенную экологическую интеграцию современного общества к субстанциональной онтологической предпосылке, то У. Бек и Н. Луман подчеркивают общественный принцип формы *функциональной дифференциации* как основной причины существующих тенденций дезинтеграции. Для У. Бека [23] современное общество в экологическом аспекте — это «общество риска», потому что в этом отношении экономические, научные и политические силы взаимодействуют в «организованной безответственности». Все три подсистемы общества следуют своей собственной логике действия, которая делает их структурно слепыми для экологических требований, а также заботятся о том, чтобы эту слепоту друг у друга взаимно не исправлять. Стремления к экономической прибыли, к политической власти и к научной истине в равной мере заинтересованы (хотя бы случайно) в «стабильном» отношении современного общества к его природной среде. Н. Луман [24] приходит к подобному результату, но распространяет его на все остальные подсистемы общества. Так, например, право, религия, система образования или СМИ не предвидели в своих бинарных кодах, которые определяют коммуникативные взаимодействия подсистем, никакого отклика на экологические требования. Таким образом, в каждой подсистеме прежде всего устанавливается высокий порог для тематизации вопросов экологической интеграции. Если такие вопросы и могут обсуждаться, не происходит ничего такого, что сделало бы экологическую «восприимчивость» важной или даже первостепенной задачей функционирования подсистемы. В каждой подсистеме экологическая интеграция современного общества остается аспектом, который сосуществует со многими другими и, соответственно,

конкурирует с ними. Это, как констатируют Н. Луман и У. Бек, уже никоим образом не соответствует степени вирулентности (злокачественности) экологических вопросов.

Обращаясь к отдельным пояснениям Лумана, Бека и других социологов — наблюдателей современного общества, можно провести аналитическое различие между постановкой, тематизацией и разработкой проблем экологической интеграции и в соответствии с этим идентифицировать различные подсистемы общества.

Постановка проблемы. Здесь, прежде всего, следует назвать, как уже упоминалось, системы экономики и науки. Но затем, ввиду применения атомного, бактериологического и химического оружия, все больше включается военная система. Через постоянно растущий уровень потребления семья, как клиент экономической системы, также значительно способствует созданию экологических проблем. Еще реже попадают в поле зрения две другие подсистемы, каждая из которых по-своему, вместе с системой семьи, обеспечивает неограниченный рост населения: система здравоохранения за счет медицинского прогресса, система религии путем распространенных во многих мировых религиях моральных предостережений о сексуальности и семье, отвергающих меры по контролю рождаемости.

Тематизация проблемы. На переднем плане здесь стоят СМИ, которые, конечно, нуждаются в соответствующей информации со стороны системы науки. Наряду со СМИ и система образования, снабжаемая научными знаниями, содействует тому, чтобы сделать экологическую интеграцию современного общества темой публичной коммуникации. Если соответствующие коммуникации направляются не на каждого члена общества в отдельности и влекут за собой изменения в индивидуальном поведении, то адресатом чаще всего выступает политическая система, от которой ожидается коллективная разработка проблемы.

Процесс разработки проблемы. Наряду с уже упомянутой политической системой важную роль здесь играет правовая система. Она трансформирует политические решения в пользу экологической интеграции. Кроме того, экономическая система способствует разработке проблемы в том случае, если это обещает быть прибыльным. Все три подсистемы в своих действиях опять-таки сильно зависят от получаемого в системе науки необходимого знания, в особенности в виде технологий.

Итак, за исключением системы спорта и искусства, которые в экологическом отношении имеют лишь маргинальное значение, все подсистемы современного общества тем или иным образом вовлечены в экологическую интеграцию. Особенно следует выделить систему науки, которая принимает активное участие в равной мере в постановке, тематизации и разработке экологических проблем.

Кто как Бек или Луман использует теорию действия (актора) для исследования дифференциации общества, может также установить, что наряду с экологически ложными кодами подсистем возникновению и укреплению экологических проблем способствуют также *конкурентные ситуации* внутри подсистем. Необходимые для экологической «стабильности»

самоограничения продуктивности подсистемы — о которых Латур говорит в связи с научно-техническими инновациями — институционализируются чрезвычайно сложно, если имеет место конкуренция предприятий за сегменты рынка, политиков — за голоса избирателей и ученых — за репутацию, за соответствующее повышение эффективности. В центре «организованной беспечности» находятся соединенные друг с другом экономические, политические, военные и научные конкурентные ситуации.

Если на основании этого перед социологическими диагнозами ставится вопрос, какие механизмы могли бы обеспечить восстановление нарушенной экологической интеграции современного общества, все они почти единодушно указывают на соответствующие социальные движения. Подсистемы общества, и особенно организованные партии и союзы в политической системе, не считаются способными на то, чтобы самостоятельно сделать что-либо существенное для экологической интеграции. Подсистемы сконцентрированы на собственной логике. Затем У. Бек говорит о «*субполитике*», характеризуя экологическое движение, с одной стороны, как политическое, в смысле коллективного оформления общественных отношений с природой [23]. С другой стороны, оно не должно следовать утвердившейся в политической системе абсолютизированной логике завоевания и удержания власти как самоцели. Как показывает развитие партий «зеленых», по крайней мере важные составляющие «субполитики» ни в коей мере не обладают иммунитетом против утраты из поля зрения экологической «потребительской стоимости» своих действий, используя терминологию Маркса, в пользу властно-политической «меновой стоимости».

Более принципиально ставит вопрос Н. Луман. Он говорит о том, что хотя экологическое движение, с одной стороны, затронуло болезненный вопрос функционально дифференцированного общества, но ни к чему, кроме «коммуникации страха», т.е. паникерства, которое колеблется между беспомощным активизмом и вызванным разочарованием параличом, социальные движения не привели [24, S. 227–248]. Исходя из этого, Луман не видит в них функционально действенные механизмы восстановления экологической интеграции. В его теории, скорее, выясняется, не может ли новая общественная *подсистема* знаменовать *стадию становления* в разработке экологических проблем. Ее зародышевые клетки могли быть до сих пор рассеяны по различным существующим подсистемам, как это случалось на ранних стадиях других подсистем. К ним можно отнести как общественные инициативы, так и подходы экологически ориентированной науки, Greenpeace или направленные на экологические интересы отрасли промышленности. В той мере, в какой эти гетерогенные коллективные и корпоративные акторы ориентировали свои действия, прежде всего побочные позиции, в соответствии с общим кодом экологической «стабильности», они могли бы составить единую подсистему. Если в дальнейшем эта экологически ориентированная подсистема когда-нибудь будет иметь значимый голос в хоре всех подсистем общества, тогда современное общество в определенной мере «интернализует» системным образом проблему своей экологической интеграции, т.е. делает ее требованием согласования между этой новой подсистемой и остальными подсистемами.

Такой способ общественного обращения с требованием экологической интеграции, объяснение которого здесь и сейчас может быть лишь спекулятивным, обладает в сравнении со слишком большим доверием к социальным движениям, вероятно, тем преимуществом, что существующая дезинтеграция не обернется когда-нибудь *сверхинтеграцией*. Сверхинтеграция в экологическом измерении означала бы, что современное общество слишком часто оглядывалось бы на природную данность. В определяемой в значительной мере страхом и, соответственно, в морализирующей форме коммуникации социальных движений подобный экологический фундаментализм вполне естественен. Он отклонял бы любые вмешательства в природную данность, поскольку новые риски были бы смутно представляемы. В современных дебатах о геной технике присутствуют элементы в целом неизменного скептицизма, который может использоваться как универсальный убийственный аргумент, где бы его ни использовали.* Замена такого мало конструктивного коммуникативного образца здоровой логикой общественной подсистемы была бы только полезна для эффективного разрешения проблем экологической интеграции.

Таким образом, остается констатировать, что экологическая интеграция во многих социологических диагнозах современности занимает центральное место и, по крайней мере, упоминается почти во всех диагнозах. Следовательно, общественная конъюнктура этой темы принимается социологией в расчет.

Социальная интеграция

То измерение интеграции, которое от классиков социологии и до сегодняшнего дня в целом и в частности привлекало внимание социологических диагнозов современности — это социальная интеграция. Первоначальное распределение возможных социально-интегративных проблем позволяет, во-первых, опять-таки различить дез- и сверхинтеграцию. Во-вторых, столкновение («*impact*») с той или иной проблемой может произойти либо у отдельного индивидуума, либо оказывается коллективным продуктом совместных действий индивидов. Таким образом, получается четыре вида социально-интегративных проблем (см. табл. 3), к которым в течение последних двадцати лет в различной мере обращались социологические диагнозы настоящего времени.

Таблица 3

Виды социально-интегративных проблем

	Дезинтеграция	Сверхинтеграция
Индивидуальное столкновение (« <i>impact</i> »)		
Коллективное столкновение (« <i>impact</i> »)		

* Общее философское рассмотрение скептицизма Н. Решера [26] настойчиво указывает на эти опасности для практически ориентированных дебатов.

Что касается проявляющихся у отдельных индивидов тенденций дезинтеграции, можно прежде всего констатировать, что вряд ли кто-нибудь еще затягивает язвительно прокомментированное Луманом «единогласно-монотонное песнопение о потере смысла» [12, S. 362]. Этот топос был очень актуален во многих ранних диагнозах времени.* Утверждалось, что в космологической «бесприютности» секуляризированного мира отдельный человек находит все менее убедительные ответы на основные экзистенциальные вопросы: как ему жить и стоит ли жить вообще. Так как больше нет всеобъемлющего и смыслообразующего толкования мира, основанного в конечном итоге на религии, индивида настигает глубокий кризис идентичности. Подобные культурно-пессимистические оценки современности должны быть просто списаны, как полностью опровергнутые эмпирически. Из-за экзистенциального отчаяния не происходило массовых самоубийств, и нет никаких других свидетельств того, что индивидуальная удовлетворенность жизнью в самом широком смысле у значительной части населения стремительно упала ниже психически переносимого предела. Этим не оспаривается, что современность возлагает на отдельного индивида специфические и в этом отношении более сложные, чем в традиционных обществах, задачи поиска и утверждения идентичности [28]. Но то, что все большее число членов общества терпит здесь неудачу, явно не соответствует действительности.

На вопрос о том, как люди конструируют субъективно осмысленную идентичность, один из ответов, предлагаемый, например, Н. Луманом [12, S. 362 — 367; 29], гласит: индивиды определяют себя через притязания, которые они адресуют различным подсистемам общества, и получают самоподтверждение и самореализацию через реализацию этих притязаний. Экономически опосредованные переживания потребления и свободного времени, культурные мероприятия и развлечения посредством искусства и СМИ, интимность в семье и в кругу друзей, возможности образования, занятия спортом, спортивные передачи — вот предоставленные подсистемами услуги, которых требует современный *индивидуализм притязаний* на все более высоком уровне. Это отмечает П. Гросс в своей концепции «общества множественного выбора».** Многие из того, что предлагают общественные подсистемы из различных вариантов образа жизни, является эталоном идентичности, который означает конец религиозно обоснованной отсрочки потребностей в форме надежд на потусторонний рай и требует «рай сейчас» («paradise now»).

Индивидуализм притязаний функционирует социально-интегративно. Серьезных кризисов смысла не происходит. Тем не менее, Луман указывает на то, что из действия этого социально-интегративного механизма в перспективе может возникнуть системно-интегративная проблема в форме «*инфляции притязаний*» [31]. Различные подсистемы могут стать объектом хронически повторяющихся чрезмерных требований в отношении

*См., например, тезис о «бесприютном разуме» у П. Бергера и др. [27].

**Не все, но многие из этих притязаний ориентированы на «переживания» в понимании Г. Шульце [30]. Индивидуализм притязаний, таким образом, создает не только «общество множественного выбора», но и «общество переживаний».

продуктивности. Их реакция на это может заключаться в том, что они будут все больше претендовать на ресурсы, которых затем будет не хватать другим подсистемам. «Взрыв затрат» в системе здравоохранения — один из примеров этого. Точно так же и система образования могла бы потребовать все больше финансовых средств, что может вызвать межсистемную борьбу за распределение. Еще более серьезно это отражается на «инфляции притязаний» и чрезмерности требований к производительности, если речь идет о природных ресурсах. Например, экономическая система удовлетворяет потребительские притязания за счет потребления огромного количества невозобновляемых ресурсов, что сегодня является важной причиной экологической дезинтеграции общества. Так распознается взаимодействие между тремя измерениями интеграции. Исправно функционирующий социально-интегративный механизм имеет дисфункциональные последствия для системной и экологической интеграции современного общества.

Из-за отсутствия абсолютного критерия того, что является оправданным и необходимым, притязания основываются на сравнениях. С одной стороны, для этого обращаются к временному измерению и призывают понятие «прогресс». Того, чего хватало вчера — уже только поэтому! — сегодня недостаточно. С другой стороны, социальное измерение предлагает возможности сравнения: другие имеют больше.* Таким образом, в поле зрения попадают дезинтегративные тенденции как коллективный продукт, а именно в форме *конфликтов распределения* в системе социального неравенства. Именно этой тематике посвящает особое внимание Р. Дарендорф в своих размышлениях о диагнозе современности [32].

В современном обществе с его укоренной в культуре нормой равенства повсеместно распространенное социальное неравенство предоставляет в определенной степени неисчерпаемую структуру возможностей для поддержания притязаний. То, что у других шире выбор образа жизни — по доходу, качеству жилья, возможностям образования, медицинскому обслуживанию и прочему, — воспринимается как несправедливость и, следовательно, должно устраняться. При этом подразумевается нивелирование не «по нижнему», а «по верхнему уровню». Легитимация неравенства в современности может происходить, в конечном итоге, только через дифференцированные достижения. Это становится все сложнее, потому что, с одной стороны, этос достижения все больше уступает место этосу самоосуществления и, с другой стороны, множественное неравенство делает все более очевидным то, что оно меньше вызвано индивидуальными различиями в готовности и способности к достижениям, чем такими факторами, как «связи» и «удача». Если на основе рассматриваемого нелегитимно социального неравенства из малообеспеченных слоев растут неотвратимые — неустранимые с помощью применения власти — притязания на улучшение положения, более обеспеченные слои в этом конфликте по поводу распределения определенных достижений

* То, что большинство тех же других имеет меньше, чем сам индивид, напротив, сознательно игнорируется.

подсистем вместо перераспределения будут склоняться к их росту, чтобы самим ничего не лишиться. Например, такие предметы роскоши, как путешествия, становятся доступны многим, прежние привилегии в медицинском обслуживании становятся общедостижимым стандартом, а учебные места предоставляются малообеспеченным, но так, чтобы не менее одаренные выходцы из высших слоев не были вынуждены отказываться от высшего образования в пользу умных детей рабочих. Гросс выражает эту общую динамику роста «общества множественного выбора» емкой формулой: «Все всем!» [10, S. 337].

Неравенства производят спирали притязаний, они выливаются в конфликты распределения, которые, в свою очередь, пытаются смягчить посредством прироста достижений подсистем. Действие, вполне осмысленное с позиции социальной интеграции, имеет, как выше объяснено, дисфункциональное воздействие на системную и экологическую интеграцию современного общества. Более того, этот социально-интегративный механизм ни в коей мере не всеобъемлющ, он оставляет без внимания значительную оставшуюся часть членов общества. Они не включены в обеспечение достижениями различных подсистем, напротив, они в большей или меньшей степени *исключены* из этих подсистем и, в конечном итоге, из общества в целом. Р. Дарендорф, исследовательская команда П. Бурдые, а также Н. Луман и коллеги В. Хайтмейера отмечают это обострение социального неравенства, которое выражается в том, что часть населения рассматривается как социально излишняя [4; 5; 20, S. 618–634; 32; 33]. Они, по распространенной оценке, являются с точки зрения включенных просто «столующимися», чтобы не сказать «нахлебниками», доля которых в пользовании достижениями подсистем (и их притязании на них) должна оставаться по возможности незначительной. Большая часть населения третьего мира, а также жители гетто и трущоб в богатых западных странах показывают, как происходит нарастающее исключение из все большего числа подсистем общества, из-за чего все больше сокращаются возможности индивидуального выбора. Безработица в этом случае означает не только резкое ограничение потребления и проведения досуга, но и усложнение и блокирование доступа к медицинским услугам, СМИ, юридическим и образовательным каналам — последнее в первую очередь для детей безработных, что снова цементирует безработицу, и т.д.

Как для социального неравенства вообще, так и для подобных явлений исключения характерно следующее: системно-интегрированное, стабильно функциональное, дифференцированное общество в известной мере игнорирует эти проблемы социальной интеграции. То, что они, тем не менее, могут как в мировом масштабе, так и во многих национальных и региональных контекстах привести к конфликтам распределения, в которых часто используется насилие, так как исключенным недоступны никакие другие политические возможности действовать, достаточно хорошо известно. Дальнейшее обострение исключения может поэтому стать взрывоопасным с точки зрения социальной интеграции. Как и в случае с экологической интеграцией, возможны, конечно, спекуляции на тему, не возникает ли уже новая подсистема общества, специализирующаяся на

исправлении исключения: *система помощи*, которая складывается, прежде всего, из двух политических полей — национальной социальной помощи и международной помощи развития [20, S. 633–634]. Чем эффективнее эта подсистема посвящает себя корректировке исключений, тем больше до этого времени исключенные включаются в названные общественные конфликты распределения, что еще сильнее обостряет соответствующие проблемы системной и экологической интеграции. Таким образом, становится все более очевидным, что социальная интеграция общества, с одной стороны, и два других измерения интеграции, с другой, в равной мере находятся между собой в отношении конкуренции с нулевой суммой: что на пользу социальной интеграции, то во вред двум другим видам интеграции, и наоборот.

Вне притязаний человек в современном обществе может найти свою идентичность, как это уже было в досовременных обществах, благодаря включенности в *отдельные культурные общности*. Это могут быть религиозные, мировоззренческие, этнические или образованные на основе определенных стилей жизни или интересов общности. Подобный партикуляризм обнажает границы принадлежности, которые действуют как объективно, так и социально, конструируя идентичность. Объективно очерчивается контур ограниченной, и следовательно, обозримой и замкнутой в себе смысловой взаимосвязи, которая создает рамки для всех считающихся существенными вопросов и ответов. Она социально стабилизируется благодаря тому, что в этом смысловом единстве преобладают подтверждающие интеракции-в-группе (*in-group-Interaktionen*), в которых кроме того принижается значение всех не принадлежащих к группе в целом, а также большинства других общностей целенаправленно, по отношению к их стилям жизни и установкам. Так снова и снова образуются враждебно настроенные друг к другу — вплоть до равнодушного или даже воодушевленного насилия — пары таких общностей, экстремальный пример которых дают протестанты и католики в Ирландии. Для национального контекста Германии особенно точно данное положение было сформулировано исследовательской группой В. Хайтмейера [4–5]. По отношению к «мировому обществу». С. Хантингтон приводит свои далеко идущие размышления, поводом для которых послужил прежде всего, исламский фундаментализм [34]. В связи с этим следует также учитывать эмоции проигравших в модернизации, т.е. тех групп общества, социальный статус которых был поставлен под угрозу и обесценен в ходе прогрессирующей дифференциации подсистем. То, что возможно преодолеть системно-интегративно, вероятно, еще долго нельзя будет преодолеть социально-интегративно.

В той мере, в какой та или иная групповая идентичность, служащая основой для индивидуальных идентичностей членов группы, приобретает четкие очертания только путем вражды с другими общностями, закладывается конфликтный потенциал общества. Этот конфликтный потенциал, основанный на обостренной вплоть до полярности инаковости, сам по себе принципиальнее и тем самым меньше склонен к компромиссам, чем конфликты распределения между мало- и высокообеспеченными слоя-

ми. Таким образом, культурные конфликты могут, с одной стороны, вызвать более острую, более непредсказуемую динамику эскалации, причем партикулярные общности как социально-интегративный механизм могут быть более проблематичными, чем индивидуализм притязаний. С другой стороны, даже глубочайшее взаимное пренебрежение между группами может сопровождаться просто взаимным игнорированием и индифферентностью, как это часто бывает среди религиозных сект. Поэтому действительно проблематичными с точки зрения социальной интеграции являются такие случаи, в которых культурные конфликты и конфликты распределения соотносятся, взаимно обосновывают и подогревают друг друга — как это неслучайно прослеживается на ирландском и на исламском примерах. Тогда обособленные общности становятся коллективными носителями того, что в иных случаях выражает индивидуализм притязаний. Культурная легитимация подстрекает к максимальным требованиям, в которых тонут любые договоренности о последовательном и поэтапном сближении конфликтующих сторон. Не нужно заходить так далеко, как Хантингтон, который в общемировом «столкновении культур» («clash of cultures»), в конечном итоге, видит действенный социально-интегративный механизм только в военном превосходстве одной из сторон, чтобы разделять его диагноз состояния этой чрезвычайно трудной проблемы социальной интеграции.

Если культурные общности с их конституированием идентичности посредством дифференциации по отношению к другим действуют в аспекте социальной интеграции в высшей степени амбивалентно, связывая с их помощью индивидов, то это лишь потому, что они мобилизуют против других. Здесь можно было бы сделать вывод, что лучше бы таких общностей не было вообще, и необходимо стремиться к тому, чтобы их ослабить и привести к вымиранию. Однако такое понимание резко противоречило бы социологическим диагнозам современности А. Этциони [35–36] или Сеннетта [19]. Для них, как и для Ф. Тенниса [37], *ослабление общностей* — начиная с семьи, соседства, церковных общин и заканчивая группами по интересам и нациями — представляет собой центральную причину исчезновения социальной интеграции общества, под которой понимается, прежде всего, безоглядный эгоизм членов этого общества. Только усиление этих общин, ставящих в обязанность каждому общее благо, может обеспечить социальную интеграцию современного общества. Таким образом, индивидуализм притязаний рассматривается не как эффективный механизм социальной интеграции, а как главный ее нарушитель.

На фоне представленных выше опасений по поводу культурных конфликтов надо глубже изучить «коммунитаристские» диагнозы современности, как они представляют себе сосуществование партикулярных общностей, обладающих разными культурными традициями и проектами. Этциони не считает в этом отношении реалистичными ни «плавильный котел» («melting pot»), ни простой мультикультурализм, но использует метафору мозаики, обозначающую ограниченный определенными, общими для всех ценностями плюрализм культур [36, S. 251–252]. Хабер-

мае делает ставку не столько на ценности, сколько на публичные дискурсы и принципы правового государства как несущие элементы «гражданского общества» [38]. В любом случае возникает вопрос: это желаемые представления или существуют их аналоги в реальности? И если ничто из этого не действует, то надо ли рассчитывать на длительное существование очагов конфликтов между различными общностями?

Этциони недвусмысленно устанавливает, в конечном итоге, неустрашимую напряженность между *индивидуализацией* в смысле постоянно усиливающегося самоопределения собственной жизни и включенностью в общину. Для него невозможна максимизация обеих тенденций одновременно. Подчеркивание индивидуализации в течение последних десятилетий стало, в аспекте социально-интегративных требований, чрезмерным. У. Бек, как и Э. Гидденс, видят ситуацию иначе [23; 39]. Для них тот факт, что все больше членов общества благодаря образовательной экспансии, изменившимся структурам рынка труда, достижениям государства благоденствия, пространственной мобильности и смене ценностей ведут все более самоопределяющуюся жизнь, прежде всего способствует социальной интеграции общества в том смысле, что индивиды сильнее идентифицируют себя со своей «вылепленной биографией» [40] и, таким образом, справляются с комплексностью современного общества. Конечно, из-за индивидуализации распадаются традиционные общности, но при этом, однако, возникают новые формы общностей, такие, как ситуативные общности сферы техно-сцены или «субполитические» общности коллективной борьбы, например, против экологических рисков [41, S. 35]. То, что эти общности хуже функционируют в отношении социальной интеграции, чем традиционные, нужно еще доказать.

Правда, при этом говорится о «рискованных свободах», которые влечет за собой индивидуализация наряду с уже рассмотренной «организованной безответственностью» подсистем как второй компоненты «общества риска» [41]. Индивидуальное самоопределение неизбежно подразумевает повышенные биографические риски, начиная с развода и обесценивания документа об образовании вплоть до длительной безработицы. Отдельный индивид тем более открыт для рисков, чем больше он исключен из традиционных общинных связей и чем больше ответственности за ошибочные биографические решения он должен брать на себя сам. И этим рискам, как внешней биографической реальности, подвержены и другие, например, дети разведенных родителей. Биографический крах с большими или меньшими последствиями, если он встречается в массе, может стать социально-интегративной проблемой. В любом случае еще нельзя сделать вывод о том, что в этом балансе позитивный социально-интегративный результат индивидуализации возобладает.

Таким образом, представлены различные доводы тех социологических диагнозов современности, которые видят возникшие или возможные проблемы слишком слабой социальной интеграции. Теперь им можно противопоставить те концепции, которые видят опасность *сверхинтеграции* — при этом они не обязательно должны противоречить друг другу, потому что дез- и сверхинтеграция могут существовать одновременно.

Аналитически сверхинтеграция означает, что общество принимает характер «ненасытного института» (greedy institution, по выражению Л. Коэзера) [42] и одновременно, по словам И. Гоффмана, «тотального института» [43]. Последний тип общества, олицетворением которого может служить казарма, стремится к полному контролю над поступками тех, кто в нем действует. Первый (в качестве примера можно взять фанатичную секту) ожидает ничем не сдерживаемого участия действующих в нем индивидов. Все вместе это означает: современное общество в той мере стремится к сверхинтеграции, в какой оно похоже на казарму фанатичных сектантов, т.е. комбинирует тотальный контроль с тотальным участием.

Если рассматривать последствия сверхинтеграции для каждого члена общества в отдельности, то можно констатировать, что социологические диагнозы современности последних двадцати лет продолжают тему, которая разрабатывалась еще некоторыми классиками социологии, прежде всего М. Вебером [44, S. 125–130, 551–579]: *отчуждение индивида в организационном обществе*. Проникновение формальных организаций — крайне важных в отношении системной интеграции структурных компонентов [45, S. 48–53] — практически во все подсистемы общества ведет, согласно Дж. Коулмену [9], к «асимметричному обществу», в котором организации как бы забирают себе власть, и индивидам остается только беспомощное подчинение. Дж. Ритцер дополняет этот диагноз указанием на то, что это господствующее положение организации практически во всех сферах жизни ведет непременно к самореферентной абсолютизации организационных перспектив эффективности, рутинизации, стабильности ожиданий и контроля [46]. Согласно этому, индивид все больше и больше превращается в простой придаток организационных императивов и процессов. Черты, отмеченные Вебером и представителями классической критической теории применительно к членам формальных организаций, теперь распространяются Дж. Коулменом и Дж. Ритцером также на тех, кто вступает в контакт с организацией извне: покупатели, клиенты, и те, кого затронули побочные эффекты действий организации, как, например, живущие вблизи отравляющего воздуха химического завода.

На первый взгляд кажется, что современное общество как организационное обладает структурным потенциалом угрозы индивидуальной автономии своих членов. В аспекте социальной интеграции это не представляется проблемой, но при этом возникает, казалось бы, всеобъемлющая податливость.* При более тщательном рассмотрении обнаруживается, что эта податливость легко может обернуться апатией и «службой до предписанию», так как индивид сам собой, своими представлениями и способностями, так же как и со своими интересами и потребностями, не может публично произвести выгодное впечатление. Именно требование тотального участия может, в соединении с тотальным контролем, вызвать

* О фактической социально-интегративной функциональности организационного общества см. [47].

молчаливое разьединение. Тотальный контроль приводит только к тому, что еще упорнее и изобретательнее ищется возможность незаметной подрывной деятельности. Экстремально подобное сверхинтегрированное общество можно изобразить в виде карточного домика, который может быть разрушен небольшими сотрясениями, так как все члены общества только симулируют, что являются носителями общественного порядка. Бывшие социалистические государства довольно точно соответствовали на этапе распада этой картине. Как известно, финал не заставил себя долго ждать.

Сверхинтеграция имеет еще такое коллективное последствие, что во взаимодействиях достигается принудительное согласие и таким образом *подавляются инновационные решения проблемы*. А. Турен выражает это своим различием между «агентом» и «актором» [48]. «Агент» — это лишь запрограммированный исполнительный орган социальных данностей, в особенности в форме организационных правил. «Актор» — это, напротив, творческий индивидуум, чье стремление к индивидуальному самоопределению как раз обнаруживает общественно чрезвычайно важное позитивное побочное воздействие инноваций всех видов. Этого также не было в бывших социалистических государствах и способствовало их упадку. Вывод таков: где расхождение осуждается и организационно не предусматривается, там не может возникнуть ничего нового. Поэтому современное общество, поскольку оно является и по многим причинам должно являться организационным обществом, должно постоянно следить за тем, чтобы не заходить слишком далеко в укреплении социальной интеграции и не производить социально ненадежных и боящихся инноваций индивидов.

В итоге, можно утверждать, что социальная интеграция исследуется в социологических диагнозах современности интенсивно как никогда и некоторые из тематических ответвлений продолжают развивать оценки, которые разрабатывались гораздо раньше. Очевидно, что некоторые позитивные социально-интегративные механизмы могут, по крайней мере в долгосрочной перспективе, крайне негативно воздействовать на системную и экологическую интеграцию современного общества. В этих взаимоотношениях между тремя измерениями интеграции, возможно, и содержится опаснейший взрывчатый материал для будущей интеграции современного общества.

III

Обзор социологических диагнозов настоящего времени открывает многогранную картину проблем интеграции современного общества. Системная интеграция общества представляется в целом гарантированной. Однако общество, с одной стороны, расплачивается за это социально-интегративными рисками и проблемами; с другой стороны, способ, каким современное общество обеспечивает свою социальную интеграцию, может повлечь за собой проблемы для системной и также экологической интеграции. Последняя в качестве третьего измерения интегра-

ции общества впервые попала в поле зрения, тем самым еще более осложнив и без того непростой вопрос интеграции.

Различные социологические диагнозы современности дополняют друг друга в вопросе интеграции. Ясно различимых и открыто выражаемых противоречий между оценками практически нет. Наиболее отчетливо противоположность со стороны различных наблюдателей проявляется в оценках общности и индивидуализации. В связи с этим, как и было сделано в этой статье, можно шаг за шагом соединить части мозаики и получить тем самым информативную картину интеграции современного общества, так же, как и из каждого диагноза современности в отдельности. Таким образом, вторичный анализ доставляет данной тематике, прежде всего, *накопление и интеграцию знаний* и не устраняет приводящую затем к одному решению конкуренцию альтернативных интерпретаций. Теоретическая модель интеграции общества тем самым не сокращается, а обогащается.

Однако открытым остается вопрос о том, какая относительная значимость в смысле каузальности приписывается различным элементам модели. Способствуют ли, например, партикулярные культурные общности социальной интеграции больше или меньше, чем индивидуализм притязаний, перевешивает ли системно-интегративный вклад организационного общества последствия проблемы его социальной интеграции, или какая интеграция подвержена большей угрозе — экологическая или социальная. Вопросы такого рода указывают на то, что все можно выяснить только эмпирическим путем. Теоретически можно только выдвигать правдоподобные гипотезы и объединять их во все более комплексные модели, что и было проделано в данной статье. Большого теория достичь не может. В конечном итоге, она разрабатывает по мере возможности специфические указания либо на уже имеющееся, либо на еще разрабатываемое эмпирическое знание. В соответствии с этим данный обзор тезисов о диагнозе современности в отношении интеграции общества может, с одной стороны, привлечь имеющееся эмпирическое знание для проверки в ходе вторичного анализа отдельных тезисов; с другой стороны, там, где еще нет эмпирического знания, эти тезисы своей постановкой вопросов могут стимулировать соответствующие исследовательские проекты.

Литература

1. Reese-Schäfer W. Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // Berliner Journal für Soziologie. 1996. Jg. 6.
2. Müller H.-P. Sinn deuten: Über soziologische Zeitdiagnostik // Merkur. 1997. No. 577.
3. Soziologische Gegenwartsdiagnosen — Eine Bestandsaufnahme / Hrsg. von U. Schimank, U. Volkmann. Opladen: Leske/Budrich, 2000.
4. Was treibt die Gesellschaft auseinander? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.
5. Was halt die Gesellschaft zusammen? / Hrsg. von W. Heitmeyer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.
6. Luhmann N. Identitätsgebrauch in selbstsubstitutiven Ordnungen besonders Gesellschaften // Identität. Poetik und Hermeneutik VIII. / Hrsg. von O. Marquard, K. Stierle. München: Fink, 1981.

7. Lockwood D. Soziale Integration und Systemintegration (1964) // Theorien des sozialen Wandels / Hrsg. von W. Zapf. Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1969.
8. Mouzelis N.P. Social and Systems Integration: Lockwood, Habermas, Giddens // *Sociology*. 1997. Vol. 31.
9. Coleman J. S. Die asymmetrische Gesellschaft: vom Aufwachen mit unpersönlichen Systemen. (1982) Weinheim: Beltz, 1986.
10. Gross P. Die Multioptionengesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994.
11. Marx K. Das Kapital. Bd. 1. Frankfurt a.M.: Verlag Marxistische Blätter. 1972.
12. Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1984.
13. Polanyi K. The Great Transformation. (1944). Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1978.
14. Weber M. Wissenschaft als Beruf. (1919). Berlin: Duncker & Humblot, 1967.
15. Kaufmann F.-X. Diskurse über Staatsaufgaben // Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung. Discussion Paper 91/5. Köln, 1991.
16. Schimank U. Funktionale Differenzierung und Systemintegration der modernen Gesellschaft // Soziale Integration. Sonderheft 39 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie / Hrsg. von J. Friedrichs, W. Jagodzinski. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999.
17. Offe C. Berufsbildungsreform: eine Fallstudie über Reformpolitik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1975.
18. Bourdieu P. Gegenfeuer. Wortmeldungen im Dienste des Widerstands gegen die neo-liberale Invasion. Konstanz: Universitäts-Verlag Konstanz, 1998.
19. Sennett R. Der flexible Mensch. Die Kultur des neuen Kapitalismus. Berlin: Berlin-Verlag, 1998.
20. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.
21. Crozier M. La Société Bloquée. (1970) Paris: Le Seuil, 1984.
22. Habermas J. Legitimationsprozesse im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973.
23. Beck U. Die Risikogesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986
24. Luhmann N. Ökologische Kommunikation: Kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefährdungen einstellen? Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986.
25. Latour B. Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie. Berlin, 1995: Akademie-Verlag, 1991.
26. Rescher N. Scepticism. Oxford: Rowman & Littlefield, 1980.
27. Berger P. et. al. The Homeless Mind. Harmondsworth: Penguin, 1973.
28. Schimank U. Funktionale Differenzierung und reflexiver Subjektivismus // Soziale Welt. 1985. Jg. 36.
29. Luhmann N. Die gesellschaftliche Differenzierung und das Individuum (1987) // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 6. Die Soziologie und der Mensch. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995.
30. Schulze G. Die Erlebnis-Gesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt a.M.: Campus, 1992.
31. Luhmann N. Anspruchsinflation im Krankheitssystem. Eine Stellungnahme aus gesellschaftstheoretischer Sicht // Die Anspruchsspirale / Hrsg. von Ph. Herder-Dorneich, A Schuller. Stuttgart: Kohlhammer, 1983.
32. Dahrendorf R. Der moderne soziale Konflikt: Essay zur Politik der Freiheit. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1992.
33. Bourdieu P. et al.: Das Elend der Welt. Zeugnisse und Diagnosen alltäglichen Leidens an der Gesellschaft (1993). Konstanz: Universitäts-Verlag Konstanz, 1997.
34. Huntington S. Der Kampf der Kulturen: die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. München; Wien: Europaverlag, 1996.
35. Etzioni A. Die Entdeckung des Gemeinwesens. Ansprüche, Verantwortlichkeiten und das Programm des Kommunitarismus. Frankfurt a.M.: Fischer, 1993.
36. Etzioni A. Die Verantwortungsgesellschaft. Individualismus und Moral in der heutigen Demokratie (1996). Frankfurt a.M.: Campus, 1997.

37. Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft (1887). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963.
38. Habermas J. Faktizität und Geltung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992.
39. Giddens A. Konsequenzen der Moderne (1990). Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1995.
40. Hitzler R. Die Bastei-Existenz // Psychologie heute. 1996. Jg. 7.
41. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualisierung in modernen Gesellschaften — Perspektiven und Kontroversen einer subjektorientierten Soziologie // Riskante Freiheiten / Hrsg. von U. Beck, E. Beck-Gernsheim. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994.
42. Coser L.A. Greedy Institutions: Patterns of Undivided Commitment. New York: Free Press, 1974.
43. Goffman E. Asyle: über die soziale Situation psychiatrischer Patienten und anderer Insassen. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973
44. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft (1922). Tübingen: Mohr, 1972.
45. Schimank U. Organisationsgesellschaft // Hager Materialien zur Soziologie. 1997. Heft 2.
46. Ritzer G. Die MacDonaldisierung der Gesellschaft (1993). Frankfurt a.M.: S. Fischer, 1995.
47. Lange S., Schimank U. Funktionale Differenzierung und Durchorganisation der modernen Gesellschaft. Ein sozialintegrativ zwangsläufiger, aber nicht unproblematischer Zusammenhang. Ms., Hagen. 2000.
48. Touraine A. Critique of Modernity (1992). Oxford: Blackwell, 1995.